

DOI: 10.19181/smtp.2024.6.1.9

EDN: WIGULV

Научная статья

Research article

О ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ДОКУМЕНТА. ЧАСТЬ 2

**Лазарев
Владимир Станиславович¹**

¹ Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь

Для цитирования: Лазарев В. С. О ценности научного документа. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 165–197. DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9. EDN WIGULV.

Аннотация. После приведённого в первой части статьи критического рассмотрения – через призму неуточнённых понятий ценности и качества научного документа – примеров терминологической путаницы в отношении обозначения свойства научного документа, отображённого его цитируемостью и использованием, представляется необходимым дальнейшее рассмотрение вопроса об отображаемом свойстве. Необходимость продолжения углублённого анализа, соответствующей полемики, а также усиления аргументации того, что непосредственно цитируемость научных документов отражает их использование, которое, в свою очередь, отражает их *ценность*, вызвано тем, что ряд специалистов либо не ассоциируют цитируемость с ценностью, либо безразличны к вопросу о свойстве документов, отображаемых цитируемостью, либо смешивают ценность документа с его качеством. Более того, существует авторитетная точка зрения, согласно которой использование является лишь одним из факторов, вызывающих цитируемость научных документов; при этом обращения к документам специалистов считаются, напротив, несомненным свидетельством их использования, в то время как в этом случае остаётся неизвестным, будет ли полный текст затребованного документа хотя бы бегло просмотрен пользователем. Эти вопросы получают своё критическое рассмотрение. Высказывается мнение, что путаница с понятием «использование документа» связана с невольным смешиванием его с традиционной библиотечной концепцией «использования библиотечного фонда». Также показано, как приятие к рассмотрению философского понятия ценности может внести ещё больше путаницы в терминологию, используемую для обозначения свойства научного документа, отражаемого *par excellence* его цитируемостью. Предпринимается попытка уточ-

нения понятий и содержания терминов «ценность научного документа» и «использование научного документа».

Ключевые слова: научный документ, ценность документа, качество документа, «воздействие», цитируемость, обращения к документам, использование документов, цитат-анализ, учет обращений к документам, библиометрическая оценка, экспертная оценка, философское понятие ценности, использование библиотечного фонда, ценность библиотечного фонда, терминологическая путаница

ON THE VALUE OF A SCIENTIFIC DOCUMENT. PART 2

Vladimir S. Lazarev¹

¹ Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

For citation: Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):165–197. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.1.9.

Abstract. After a critical consideration – through the prism of unspecified concepts of the value and quality of a scientific document – of examples of terminological confusion about the designation of a property of a scientific document represented by its citedness and use (that was given in the first part of the article), further consideration of the issue of the property being represented is provided. The need to continue the in-depth analysis and appropriate polemics as well as to strengthen the argument that the citedness of scientific documents directly represents their use, which, in its turn, represents their value, is caused by the fact that a number of experts either do not associate citation rate with value, or are indifferent to the issue of the property of documents represented by their citedness, or confuse the value of a document with its quality. Moreover, there is an authoritative point of view according to which the use is only one of the factors that cause scientific documents to be cited; while just access to documents is considered by some experts, on the contrary, as an undoubted evidence of their use – though in this case it remains unknown whether the full text of the requested document would be at least briefly browsed by the user. The author gives a critical consideration of these issues. An opinion is expressed that a certain misunderstanding of the concept “use of a document” is due to its involuntary confusion with the traditional library concept “use of a library stock”. It is also shown that taking the philosophical notion of value for consideration can add even more confusion to the terminology used to denote a property of a scientific document represented by its citedness par excellence. The author makes an attempt to clarify the concepts and content of the terms “value of a scientific document” and “use of a scientific document”.

Keywords: scientific document, value of a document, quality of a document, impact, citation rate, addressing to documents, use of documents, citation analysis, recording of accesses to documents, bibliometric evaluation, expert assessment, philosophical notion of value, use of library stock, value of library stock, terminological confusion

После рассмотрения в первой части литературных примеров терминологической путаницы с наименованием свойства научного документа, отображённого его цитируемостью и использованием [1], уместно уделить внимание вопросу о возможном влиянии определений ценности *как философского понятия* на понимание ценности документа *как свойства*, отображаемого при библиометрических исследованиях (оценке) документов. Будет показана путаница и с самим понятием «использование документа» (которое и указывает на ценность) и обосновано мнение, что она связана с невольным смешиванием этого понятия с традиционной библиотечной концепцией «использования фонда». После рассмотрения фондоведческой (говоря шире, – библиотековедческой) концепции «ценности документа», рассматриваемой с позицией специалиста по библиометрии впервые, будет предпринята попытка уточнения понятий и содержания терминов «ценность научного документа» и «использование научного документа».

«ЦЕННОСТЬ» КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ: УМНОЖАЕТ ЛИ ОНО ПУТАНИЦУ В ПОСТИЖЕНИИ ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ДОКУМЕНТА КАК ЕГО СВОЙСТВА?

Ситуация с терминологической неразберихой [1] может осложниться принятием во внимание значения слова «ценность» как философского понятия. Многие философские определения этого слова, имея значения, понятные философу, могут отвлечь и запутать библиометриста (наукометриста), заставить его махнуть рукой на попытку понять, что же есть *ценность научного документа*. Секрет «иммунитета» от такой потери ориентировки прост¹: следует помнить, что мы ищем определение не обобщающей категории, а *свойства*². Рассмотрим с этих позиций несколько определений.

Первое из цитируемых определений может действительно запутать впервые размышляющего о свойствах документа. «ЦЕННОСТЬ – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением <...>. Ценность является не свойством какой-то вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта» [2, с. 507]. В определении ясно сказано, что это – *не свойство*. А если так, нам это определение незачем и рассматривать. Но привести подобный пример нужно: ведь впервые размышляющий о свойствах документа может подумать примерно так: «А, так это слово для обозначения свойства и не используется. Ну, тогда я буду говорить не о ценности, а о значительности (качестве, важности и т. д.)...». И тематическая чехарда будет преумножена.

Однако следующее цитируемое определение само разделяет философское понятие и свойство. Из определения словаря с подзаголовком «справочник студента» [3] узнаём, что «ЦЕННОСТЬ – 1. Понятие, которое характеризует предельные, безусловные основания человеческого *бытия*. 2. Значение опре-

¹ Правда, он открывается лишь после того, как в течение ряда лет ты безуспешно пытаешься пользоваться самыми разнообразными определениями.

² Напомню, что попытка определения термина «свойство» приведена в сноске 4 к первой части статьи.

делённых предметов, явлений, процессов для *человека*, социальных групп, *общества* в целом. Указанные два смысла понятия “Ц.” часто расходятся, а порой и противоречат друг другу: то, что в философии рассматривается в качестве Ц. – свобода, добро, истина, – для отдельного человека может и не представлять интереса. В свою очередь, конкретные предметы, которые ценны для индивида, в философском смысле не являются Ц. <...>» [3, с. 620]. Здесь – возможно с трудом, но – усматривается разделение философского понятия и *свойства* «предметов» (объектов), которое названо «значением» (одно из значений слова «значение»³: – «роль» (в смысле «важная роль», «незначительная роль») [2, с. 166], что близко к понятию свойства). Другие значения слова «значения» – «важность», «значительность» [2, с. 166; 4; 5]. О полноте синонимичности значения этих слов с «ценностью» (как свойством объекта) говорить не приходится, но здесь очевидно, что, присваивая термину такие синонимы, как «важность» и «значительность», словари указывают, что речь идет о свойстве. Один из попавших в поле зрения автора философских словарей дает более явное тому подтверждение, сообщая, что «значение к.-л. вещи есть то, чем она является для общественной практики» [6, с. 137], в то время, как свойство – это «то, что присуще какому-либо предмету» [2, с. 407]. Иными словами, значение – это свойство, рассматриваемое в контексте общественной практики. Ценность же документа, определяемая способностью к его использованию и постигаемая через использование, и является таким свойством⁴. «Внешне <ценности> выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечён в сферу общественного бытия человека» [6, с. 453].

Утверждение, что «понятие <ценности> невозможно раскрыть, не обращаясь к понятию оценки – соотносению реальных явлений с <ценностью>» [3, с. 620], мы соотнесём с практикой библиометрической оценки свойств документов, в рамках которой и ведётся наше обсуждение. Воздерживаясь от рассмотрения других примеров и определений, я пытался показать, что «философские» определения термина «ценность» могут и запутать библиометриста (наукометриста), и быть ему полезны.

К ПРИЕМЛЕМОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ДОКУМЕНТА – ШАГ ЗА ШАГОМ

Нельзя сказать, что нет таких определений. Но я говорю именно о приемлемых.

В части 1 данной статьи [1] ценность научного документа рассматривалась как его «свойство <...>, определяемое <...> пригодностью к практическому использованию в различных областях человеческой деятельности для достижения определённой цели» [8, с. 464]; при этом «перенос» понятия

³ Прошу простить невольный каламбур.

⁴ «Кто может сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? <...> Таким судьёй может быть только общественная практика...» [7, с. 167].

«ценность» с «информации» (к которой и относилось данное определение) на «документ» был связан как с тем, что вне документа, являющегося материальной формой фиксации информации, общество ей обладать не может [7, с. 102], так и с тем, что в действительности изначально должно было говорить именно о ценности *документа*, а не информации, поскольку по уровню именно *его* использования (ссылки делают на документы, а не на «информацию», заказы в Интернете – как и в библиотеке – оформляют на документы, а не на информацию) можно выносить количественные суждения о её ценности. С одной стороны, «документ в самом общем случае можно определить как <...> закреплённую на материальном носителе информацию» [9, с. 209], а с другой, – если и допустить целесообразность оценки информации «в отрыве» от документа, то количественное оценивание её ценности «возможно» было бы осуществлять, лишь забравшись в голову пользователя документа: ведь «понятие информации обязательно включает в себя личность познающего объекта. <...> Информация приобретает статус таковой лишь когда её семантическая составляющая осознаётся, распознаётся кем-то в этом качестве» [10, с. 41]. При такой трактовке документа и информации говорить о «самостоятельной» оценке ценности информации бессмысленно.

В попытке уточнить определение ценности документа в части 1 данной статьи [1] приводилась следующая цитата (воспроизвожу в более полном виде): «Ценность, в том числе научная, не является чисто природным свойством предмета <...>, а образуется в результате предметно-практического взаимодействия объекта и субъекта⁵. Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности» [11, с. 232] (выделено мной. – В. Л.). Отсюда следует, что в определении ценности научного документа нужно говорить не о его «пригодности к использованию», а о *состоявшемся* использовании.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ УСЛОВНЫЙ ПРОЕКТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Отсюда: ценность научного документа – это свойство, определяющее его фактическое использование в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определённой цели⁶. В этом условном промежуточном проекте определения мной снимается слово «практическое» – как могущее ввести в заблуждение: ведь одно из значений слова «практический» – это очевидное «относящийся к области практики» [14], а практика – это «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на *материальный мир*

⁵ Ср. с утверждением, что в качестве свойства объекта ценность существует «не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечён в сферу общественного бытия человека» [6, с. 453].

⁶ Выше я не касался специально соотносённости понятия ценности с вопросом достижения цели, но возможная уместность сохранения этой части определения иллюстрируется следующей цитатой из одной из моих предыдущих работ, посвящённой ценности научного документа: «Понятие ценности трактуется также “как объективная способность <...> содействовать достижению цели деятельности человека” [12, с. 111] — и это соотносится с пониманием цитируемых работ как фактора, способствующего выполнению исследования» [13, с. 6]. *Бесцельное* использование научного документа трудно себе и представить: даже когда человек читает научный документ, как другой читал бы научно-популярную литературу, о нём говорят «читает в познавательных целях». Кстати, получение удовольствия от чтения – тоже цель.

и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-н. в жизни, опыт» [15] (выделено мной. – В. Л.). При такой трактовке рассматриваемых понятий возникают резонные вопросы. Так, можно ли считать создание нового документа с преобразованием его содержания за счёт использования при его сочинении текста цитируемого документа «практическим» использованием? Здесь нет прямого воздействия ни на материальный мир, ни на общество; непосредственное воздействие осуществляется «лишь» на авторскую мысль⁷... Но важнее даже другое: предлагаемое слово «фактическое» указывает на то, что речь *не идёт* о *потенциальном* использовании (что может быть усмотрено в «исходном» определении ценности информации с его формулировкой «*пригодность* к использованию»). Поэтому слово «фактическое» (использование), присутствующее в данном условном промежуточном проекте определения, является не столько заменой или уточнением слова «практическое», сколько антонимом слову «потенциальное». («Потенциальное использование» документа – это перефразирование его «*пригодности* к использованию».)

ПЕРЕСМОТР ПРОЕКТА С УЧЁТОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ В. А. ФОКЕЕВА

Мы говорим о *фактическом* использовании как явлении, в котором проявляется ценность, но вот хороший пример движения мысли в этом же направлении с использованием другой лексики: в формулировке терминологического словаря В. А. Фокеева ценность информации определена как «свойство информации, определяемое *степенью* её практического использования в соответствующих областях универсума человеческой деятельности» [17, с. 255] (выделено мной. – В. Л.). Представляется, что здесь также исключены любые двоечтения, любые «лазейки» для попыток оценки «потенциальной» ценности: речь не может идти о *пригодности* к использованию, так как само употреблённое словосочетание «степень использования» с очевидностью указывает на то, что речь идёт об использовании *состоявшемся*. Здесь уже речь не только о том, что ценность *можно реально оценить лишь по состоявшемуся использованию*, здесь речь о том, что *состоявшееся использование практически заложено в само определение*: «степень использования» предположительной, вероятной быть просто не может. Кто из современных экспертов возьмётся предсказывать гипотетическое событие в таких деталях?

Формальным «минусом» данного определения в рассматриваемом контексте является то, что оно относится к «информации», а не к «документу», хотя метрические оценки ценности относятся и могут относиться только к документам.

С учётом изложенного можно перефразировать наш промежуточный условный проект определения следующим образом: «ценность научного документа – это свойство, определяемое степенью его фактического использования в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определённой цели».

⁷ Впрочем, если использовать формулировки значения слова «практический», приведённые в [16], вопросов бы не возникло.

«НО ВЕДЬ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТА УЖЕ СУЩЕСТВУЕТ!»

Резонен вопрос: к чему всё это долгое обсуждение, если в недавнем словаре «Библиотечный фонд» словарное определение «ценности документа» *присутствует* [18, с. 144]?

Смысл в том, что выглядит оно (во всяком случае, в моих глазах) неуклюже компромиссным. Рассмотрим: оно гласит, что ценность документа, – это его свойство, «определяемое степенью новизны, информативностью, уникальностью, актуальностью, *его пригодностью к практическому использованию* в различных областях человеческой деятельности для достижения определенной цели» (выделено мной. – В. Л.). Не будем обращать внимание, на то, что в определение перекочевала – из словаря 1975 г. [8, с. 464] (и даже 1971 г. [19, с. 33]) – формулировка о *пригодности* (а не о степени или факте) использования. Важно другое: то, что «пригодность к *использованию*» стоит в одном ряду с «новизной», «информативностью», «уникальностью», «актуальностью». Но «новизна», «информативность», «уникальность», «актуальность» – суть *самостоятельные* свойства документа. Тогда «ценность» – это синтетическое свойство? Именно такая точка зрения встретится и в нашем дальнейшем разборе; ранее же мне она встречалась в работах В. А. Минкиной [12; 20] и Т. А. Егеревой [21], которые писали о «ценностных свойствах технической литературы». При этом «информационными характеристиками» (читай: индикаторами или показателями) таких частных свойств выступали в упомянутых работах как внешние признаки *ещё не использованного* документа (напр., сведения о публикуемом издании, тип, объем документа), *отражающие условия его создания*, так и элементы его содержания (напр., «характер используемой терминологии» [20, с. 64]). Работа В. А. Минкиной содержит попытку установления соответствий между «информационными характеристиками» (индикаторами) и частными свойствами («актуальность», «точность», «достоверность», «оригинальность» и др.⁸), но при этом одни и те же показатели в равной мере относятся к нескольким частным свойствам и, напротив, одни и те же частные свойства характеризовались различными показателями, причём без указания на бóльшую или меньшую их достоверность или адекватность. Фактически это – признание невозможности установить адекватные и однозначные соответствия между «частными свойствами» и «информационными характеристиками» научных документов. Между тем, наличие таких соответствий является одним из важнейших условий корректного проведения количественных исследований в социальных науках [22]⁹. Можно, конечно, отметить, что и учёт использования документов указывает не только на их ценность, но может указывать и на другие их свойства, скажем на их «воздействие» (на цитирующий документ, на его автора), на те же «актуальность» и «оригинальность» (о чём сказано в

⁸ Оставим в стороне вопрос лишь о весьма частичном совпадении списка «ценностных свойств» определения [18, с. 144] с таковыми, рассмотренными в [20, с. 64] и повторно приведёнными в [21, с. 125].

⁹ Не принадлежащие к данной школе авторы работы [23] пытались выделить в качестве показателей «информационной ценности документа» [23, с. 14] характеристики библиографических ссылок в оцениваемых журнальных статьях (а не на них) – разумеется, при оценке статей до их использования. Здесь все внешние индикативные характеристики документа сосредоточены в его списке литературы, а понятие «ценности» (хотя и не получившие в [23] никакого определения) не «дробится» авторами на частные свойства. Несмотря на видимые отличия, подход работы [23] родственен рассматриваемому.

цитируемой работе В. А. Минкиной [20, с. 64]), но наиболее адекватно при этом отображается *именно* ценность [13; 24; 25] – для такого вывода, кстати, достаточно сравнить определения названных свойств...

Итак, поскольку однозначные соответствия между «частными свойствами» и «информационными характеристиками» (показателями) отсутствуют, конкретная выполнимость рассматриваемого подхода представляется весьма затруднительной. Кроме того, из рассматриваемых в [20, с. 64; 21, с. 125] «информационных характеристик» *выпадают* две: «сведения о частоте отражения документа в научно-вспомогательных указателях и способах его характеристики» и «сведения об интенсивности использования документа», которые *никак не связаны* с отражением условий создания документов. Если их использовать в комплексной оценке (но сведения об использовании документа уже отражают его ценность *напрямую!*), ни о какой оперативности оценки не может быть и речи!

Если же закрыть глаза на то, что в перечне «информационных характеристик» [20, с. 64; 21, с. 125] содержатся и сведения, прямо указывающие и на уже состоявшееся использование, сама формулировка подхода, гласящая, что «ценностные свойства» документов изучаются «исходя из условий их создания», свидетельствует об изучении документов, так сказать, «новорожденных», до их использования. Тогда «ценность», «состоящая» из «актуальности», «точности», «достоверности», «оригинальности» и т. п. [20, с. 64; 21, с. 125], оказывается свойством, лишь *потенциально* присущим документу. Конечно, не является аргументом то, что весь мой опыт библиометриста восстаёт против такой оценки, но и обычный («неспециализированный») здравый смысл кричит о том, что в качестве потенциала и исходя из условий создания объектов изучается их *качество*¹⁰. Но после «подстановки» качества просматривается *большая логика в определении словаря-справочника «Библиотечный фонд» 2018 г. [18, с. 144]:* ведь «пригодность к практическому использованию» так же сознательно указывает именно на потенциал использования, как и его «новизна», «информативность», «уникальность», «актуальность» (свойства неиспользованного документа) или «актуальность», «точность», «достоверность», «оригинальность» В. А. Минкиной и Т. А. Егеревой [20, с. 64; 21, с. 125]. Получается, что здесь приведена одна из возможных трактовок *качества* (не ценности) документа! Кстати, Т. А. Егереева уже в первой строчке [21] говорит о «значимости» вместо «ценностных свойств» – отношение к терминологии особым пиететом и в этих работах не отличается. При этом В. А. Минкина признаёт, что «ценностные свойства» документа «проступают лишь в процессе его использования» [12, с. 112], но отсюда делается странный вывод: «...это означает,

¹⁰ Именно качество (а не ценность) товара оценивают до того, как направить его потребителю. Здесь ситуация именно такая: речь идёт об отборе «наиболее ценных документов» (как формулирует В. А. Минкина) для включения в указатели литературы и выдачи потребителю [12, с. 111] – т. е. до использования их потребителем. А рассмотренные в [12; 23] «условия создания» отражены в «информационных характеристиках» [20, с. 64; 21, с. 125], эталонные значения которых служат «требованиями к объектам» при стандартизированной процедуре оценки качества [26–28, п. 3.6.1]. (Правда, *практического* успеха в этой попытке выработки «эталонов» я не усматриваю.)

что определить значимость текстового сообщения можно лишь экспертным путём...» [Там же]¹¹, а не по оценке использования.

Вспомним: при экспертной оценке высказываются *мнения*, а не фиксируются факты. Экспертная оценка – признанный инструмент определения такого свойства, как *качество*. И если принять, что при этом происходит оценка именно *качества* документа, то и обращение к экспертной оценке выглядит логичнее. В том числе и оттого, что вследствие изначальной произвольности «требований к объекту», согласно которым осуществляют его оценку [26–28, п. 3.6.1], в качестве «требований» могут выступать некие *умозрительно* представляемые уровни «уникальности», «актуальности», «новизны» и «информативности», а само качество документа окажется тогда синтетическим свойством. Определениям качества это не противоречит, а подход [29], который следует считать весьма подобным рассматриваемому, рассматривался в первой части статьи [1]. Итак, мы вновь получаем вовсе не оценку ценности. Да и экспертам, проводящим такую оценку, не позавидуешь: и ответственность велика, и словарь, приводящий определение ценности, включающее «степень новизны», «информативность», «уникальность», «актуальность» и «пригодность к практическому использованию» [18, с. 144], не даёт определений ни «актуальности», ни «новизны», ни «информативности» документов [18]. Между тем, ни интуитивная понятность, ни общеупотребительность терминов не гарантируют исключение их различной трактовки экспертами (о чём также косвенно свидетельствует [29], где содержание терминов – хотя и других – вообще отдавалось «на откуп» экспертам). Положим, определение «актуальности» содержится в работе В. А. Минкиной [12, с. 112], положим, оценка «актуальности» – это и *изначально* во многом учёт не столько фактов, сколько мнений, но «степень новизны», «информативность» и «уникальность» – они как бы взывают к аргументации своей оценки *фактами*.

А как проводить экспертную оценку «пригодности к практическому использованию»? Конечно, если речь идёт не о самом использовании, а о строго гипотетической к нему пригодности, то *в принципе* можно организовать и её экспертную оценку, но тогда не произойдёт ли вновь оценка такого свойства, как *качество*, но теперь – по большому числу её составляющих, где одним из «требований к объекту» выступит некий умозрительно заданный уровень «пригодности». С определениями качества такая гипотетическая процедура согласовывается, с определениями же ценности информации [8, с. 464] и просто ценности (напр., [11]) – нет.

Допустим, что экспертам предложено выразить свои *мнения* о *пригодности* документов к использованию, – но тогда: насколько выполнима такая оценка? Вежливо говоря, её эффективная выполнимость сомнительна: с одной стороны, *конкретные, частные* мотивы, по которым учёные цити-

¹¹ Вот и здесь видим термин «значимость», применённый в значении «ценность», который, однако, синонимом «ценности» согласно определению не является [13, с. 5, 7] – о чём также говорилось выше. (В сноске 28 будет показано многообразие его значений, *одним* из которых – согласно *одному* из словарей – может быть и «ценность». Но это не оправдывает замены термина с чётким значением на термин со значением расплывчатым, что как бы отражает и потерю авторами чёткости в дения описываемой ситуации.)

ругают именно эти, а не те документы, часто остаются загадкой для самих цитирующих учёных [30, р. 615]¹². Но если эти мотивы не удаётся выявить и *post factum* [31, с. 70], как предсказать, какие конкретно из подобных документов найдут обильное (или какое-либо) использование?! При этом естественнее ожидать обилия ссылок на «мейнстримовые», легко понятные статьи, написанные в русле привычных представлений, нежели на уникальные работы с абсолютной новизной: ведь их ещё надо понять, к ним ещё надо привыкнуть. Но эксперт, которому предложено одновременно оценить «уникальность», «новизну» и «пригодность к использованию», скорее всего, поставит «большую пригодность» работе с «большей новизной». И опять же – «кто может сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? Кто возьмёт на себя столь огромную моральную ответственность перед наукой? <...> Таким судьей может быть только общественная практика...» [7, с. 167]. Этот же текст – факт знаменательный! – цитирует и В. А. Минкина [12, с. 113], дополнив цитату справедливым замечанием о том, что экспертная оценка «обладает <...> недостаточной объективностью результатов» [Там же]. И невозможно всерьёз предсказывать «пригодность к использованию», если сами уже процитировавшие определённые источники учёные не могут объяснить, почему они выбрали именно эти документы...

Каковы ещё возможности оперативной оценки «ценностных свойств» документов (т. е. оценки до их использования)? Весьма умозрительно можно представить себе процедуру контент-анализа, позволяющую оценить «уникальность», «актуальность», «новизну» и «информативность» документов. (Оценка же «оригинальности», развивая сказанное в [12, с. 119]¹³, практически прямо предполагает использование контент-анализа, но «оригинальность» не входит в перечень составляющих ценности согласно определению словаря «Библиотечный фонд» [18, с. 144].) Однако, если бы контент-анализ для оценки «уникальности», «актуальности», «новизны» и «информативности» был сегодня практически выполнен, мы имели бы системы такой оценки документов по их «ценности», понимаемой как комбинация названных свойств, которые в обыденности своего распространения были бы подобны Web of Science или Scopus и которые полностью заменили бы человека в первичной оценке едва ли не любого научного документа; при этом опубликованные документы проходили бы своеобразную «фильтрацию» в этой системе (подобную присвоению квартилей журналам), а рецензирование стало бы автоматическим. Но это явно выглядит как утопия. Или, скорее, как антиутопия: ведь «перспективой» такого развития был бы тупик, т. к. программы автоматической оценки, основываясь на «вчерашних» установках, «зарубали» бы все непредсказуемые с позиций вчерашнего знания (и, соответственно,

¹² Вообще документы цитированы, потому что были использованы. Но почему вольный или невольный выбор пал на эти работы, если с точки зрения постороннего наблюдателя, а то и самого автора, рядом лежали документы равного достоинства с процитированными?! Причина ясна, но как выявить мотив?!

¹³ «Изучение оригинальности документов возможно и через анализ терминологии, используемой авторами». Обратим внимание на это «и»: данный подход, согласно [12], – не единственный. Однако «анализ терминологии» – это зона эффективного применения контент-анализа.

данными программами не предусмотренные) решения, включая и по-настоящему прорывные. Ну, и с теми определениями ценности информации и просто ценности, которые не вызывают у меня внутреннего сопротивления, но служат источником вдохновения, указанная гипотетическая процедура контент-анализа не согласуется. (С оценкой качества, напротив, она ассоциируется легко.)

Оценка использования ассоциируется у библиометриста с оценкой не мнений, а объективных данных по состоявшемуся факту. Потому-то и учитывается им количество ссылок, книговыдач и т. п. И если адекватность каких-либо из избранных индикаторов оценки использования может вызывать сомнения – напр., «альтметрические» предложения учитывать для этого закладки и лайки, – то конкретность, объективность существования подсчитываемых объектов и при этом сомнений не вызывает.

Итак, в определении [18, с. 144] имеются как бы две самостоятельных разнородных части: одна из них касается «ценностных свойств» («степень новизны», «информативность», «уникальность», «актуальность»), определяемых *a priori* – экспертным путём или путём привлечения индикаторов, отражающих «условия их создания», которые не имеют адекватных и однозначных соответствий отображаемым «ценностным свойствам», – а вторая – *собственно ценности*, как свойства, проявляющего себя в использовании документа. «В одной упряжке» эти пять составляющих выглядят, мягко говоря, странно. Конечно, в определении речь идёт не о состоявшемся использовании, а о *пригодности* к нему, и организовать экспертную оценку «пригодности к использованию» *технически* также вполне возможно. И логика для включения в этот ряд именно «пригодности», как я пытался показать выше, есть. Но выше уже также говорилось: то, что возможно технически, не всегда даёт на практике осмысленный результат. А что касается определения «пригодности к использованию» документов, исходя из «условия их создания», то ни в [12], ни в [21], данный вопрос даже не рассматривается; с «пригодностью к использованию» не ассоциируют «информационную ценность» (которую они не дробят на составляющие) и авторы работы [23]. Что же касается [20, с. 64], то содержащаяся на этой странице цитируемой работы таблица¹⁴ содержит шесть «информационных характеристик» («актуальность», «оригинальность», «точность», «оперативность», «полнота», «достоверность»), связанных с созданием документа, но, что касается его *использования*, речь там идёт об использовании *состоявшемся*¹⁵: в качестве «информационной характеристики» названы «сведения об интенсивности использования документа» (выделено мной. – В. Л.), а не о его «пригодности к использованию». (Да и как такие представить? «Пригодность к использованию» – само это понятие суть вполне синтетическое: ведь на него будут указывать *все* приведенные в [20, с. 64] характеристики.) Кроме того, таблица содержит такую характеристику, как «сведения о частоте отражения документа в научно-вспомогательных указателях литературы», которая, как

¹⁴ Такая же есть и в статье Т. А. Егеревой [21, с. 125].

¹⁵ О чём также упоминалось.

и сведения об использовании, также может быть получена только отсрочено, после (порой значительно позже) выхода документа в свет¹⁶.

Итак, рассмотрение определения из словаря «Библиотечный фонд» 2018 г. [18, с. 144] не привело к изменению условного промежуточного определения проекта ценности документа.

«НО ВЕДЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТА СУЩЕСТВОВАЛИ И РАНЬШЕ!»

Действительно, они существовали; соответствующие концепции развивались в рамках библиотечного фондведения. Ссылки приведу позже, а пока укажу, что ни один известный мне специалист в области библиометрии (наукометрии) на эти работы не ссылался и никак их не принимал во внимание в своих разработках¹⁷. Что неудивительно хотя бы потому, что если мы, метристы, твёрдо стоим на том, что «сразу более или менее точно определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет» [7, с. 167] – невозможно, что моральная ответственность перед наукой за такую оценку – неподъёмна, а соответствующим «судьей может быть только общественная практика»¹⁸ [Там же], – то в рамках соответствующей концепции библиотечного фондведения «ценность приобретаемой (сохраняемой в фонде) книги» [34, с. 77] вводится как *критерий качества комплектования фонда*, т. е. применительно к приобретаемым книгам она должна определяться *априорно*. Ценность книги при этом ассоциируется с утверждением о том, что «книга нужна лишь в том случае, если она нужна для решения стоящих перед библиотекой задач, представляет интерес для читателя» [Там же]. «Нужна для решения задач» – значит, будет использоваться в их решении; «интерес же для читателя» проявится в обращениях читателей к этой книге и/или обещаниях таких обращений. На фоне априорности оценки речь явно идёт об оценке *потенциального* использования документа.

Далее утверждается, что «понятие ценности довольно сложно» [Там же] и называются её составляющие: «информативность содержания» и «степень соответствия книги профилю фонда» [34, с. 78]. Что же есть «информативность документа»? Она определяется как «характеристика документа, выражающая его способность удовлетворить определенную информационную потребность» [17, с. 103]. Т. е., так сказать, «потенциальная пертинентность»¹⁹, да ещё и определяемая не пользователем, а посредником; реально ли это?.. Согласно же самому цитируемому учебнику [34, с. 78], о наличии «в произ-

¹⁶ Я не критикую, а констатирую. Глубоко уважаю прочую известную мне часть научного наследия покойной В. А. Минкиной. Да и идея о подходе к оценке потенциальной ценности научных документов, исходя из «условий их создания», выглядела тогда весьма соблазнительно, причём сам я также в своё время отдал ей дань: см. мою статью [32] и два её продолжения; также эти идеи «просочились» в важную для меня и в остальном, как мыслится, полезную мою работу [33], – к счастью, не получив в ней большого развития. (Однако, при этом я, подобно авторам [23], практически не выходил при этом за пределы оценки характеристик *ссылок в цитирующих статьях*: такой подход был реально осуществим и с точки зрения набора однозначных данных и с позиций поиска/выработки эталонов.) И соблазнительность подхода, представленного в работах [12; 21; 23], понятна: ведь он ассоциировался с возможностью более оперативной оценки ценности документов, нежели при оценке «по использованию».

¹⁷ Надо ли говорить, сколь сильное искушение улизнуть от их обсуждения испытывал и я?

¹⁸ Большие массивы ссылок, безусловно, являются её разновидностью.

¹⁹ Не релевантность: речь именно о соответствии *потребности*, а не запросу.

ведении достаточного количества научной (художественной, эстетической) информации судит, опираясь на собственное знание существа темы, научный ценз и известность автора, престиж издательства <...>» [Там же] и много ещё на что. Формальные признаки и привлечение экспертов-читателей, о котором также упомянуто, – весьма приемлемы, но вот «собственное знание существа темы»... Т. е. как: стоит НИИ, а в нём библиотекарь судит о книгах компетентнее всех работающих в нём учёных; так, что ли? Требуется ведь едва ли не именно это, но это явно невозможно.

Сказанное близко к сатире, но проблему «принятия» этого подхода метристом, работающим с формальными маркерами, оно выражает вполне. Изъяны фондоведческой концепции, полагаю, – тоже. Знаменательно, что в цитируемом учебнике, будучи введённым именно как понятие «ценность *книги*», т. е. *документа*, это понятие обозначается затем в предметном указателе учебника как «ценность *фонда*» [34, с. 289, 292]. Заметим эту расплывчатость и идём дальше. Видим: в учебнике «Библиотечный фонд» 2015 г. [35] приведено фактически два определения ценности. Первое [35, с. 117] помещено в параграфе «Критерии ценности библиотечного фонда», но из контекста абсолютно ясно, что речь в определении идёт о ценности *документа*. Есть и второе, приведённое в «гlossарии». В нём прямо указано, что оно относится к документу. Оно гласит, что ценность документа суть «свойство информативной составляющей документа, характеризующее актуальностью, степенью новизны, богатством содержания, пригодностью к практическому использованию в различных областях деятельности для достижения определённой цели. Восприятие ценности пользователем и фондистом субъективно, оно зависит от потребности в данном документе в данный момент, степени информационной подготовленности к восприятию документа и других факторов. Задача фондиста заключается в умении предвидеть при отборе <...> степень ценности документа для основной массы пользователей» [35, с. 381–382].

Выполнима или нет «задача фондиста», к природе самого свойства документа она не имеет отношения. Что же до *свойства*, мы видим как уже знакомые «составляющие» («ценностные свойства» [12]), так и знакомое же указание на необходимость оценки пригодности к применению, т. е. потенциального использования документов. А указание на зависимость ценности от потребности в документе, от способности (подготовленности) читателя к его восприятию: это факторы, опять же связанные с *возможным использованием* документа. (Если понимать всё это буквально, то как их с приемлемой точностью предвидеть фондисту?) В целом это определение, во многом подобно приведённому в словаре-справочнике «Библиотечный фонд» [18, с. 144], и остальные мои комментарии можно переносить из вышеприведённых комментариев к нему.

Разбирая эти определения, хочу обратить внимание: «ценность приобретаемой (сохраняемой в фонде) книги» [34, с. 77] вводится как критерий *качества* комплектования фонда, но относится всё-таки к документу. Однако в предметном указателе учебника это определение относится уже к «ценности *фонда*» [34, с. 289, 292]. Возникает вопрос: «ценность» документов (каким-то образом априорно оцененная) суть критерий «качества» фонда или «ценность» фонда тождественна его качеству?! Возможен и третий от-

вет: «ценность фонда» – это то же, что «ценность документов». Он и прост, и вполне логичен: ведь и документы, и фонд созданы для читателя, пользователя. Но отчего тогда имеет место такая терминологическая чехарда? В рассмотренных толкованиях ценности есть некоторая неуверенность, относятся ли они к документу или фонду [34, с. 289, 292; 35, с. 117, 381–382]. Казалось бы, это не важно, т. к. фонд состоит из документов и назначение у них сходное, однако далее мы увидим, что эта расплывчатость граней имеет своё значение.

И перед тем, как рассмотреть ещё определения ценности, созданные в рамках фондоведения, хочу предложить своё гипотетическое объяснение такого смешения оценки документов и фонда. Понимаю, что открыт для обвинений в дилетантизме: я ведь никоим образом не фондовед. Однако другого объяснения сегодня нет, а столь многим моим коллегам-метристам вопрос не то, что о сущности, но и о наименования свойств изучаемых нами документов – безразличен. Поэтому продолжаю...

ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТА: ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ОСНОВАННОЕ НА АНАЛОГИИ

Изучение ценности документов основано на изучении их использования. Это – пусть и с оговорками и не в качестве единственного пути постижения данного свойства – признают и фондоведы. Поэтому совсем не лишённым смысла представляется рассмотрение по аналогии ситуации с различной трактовкой понятий «использование документа» и «использование *фонда*».

Начну с недоразумений, связанных с пониманием использования в среде метристов. Сегодня существует такое понимание, согласно которому «использование возникает, когда пользователь оформляет запрос на обслуживание, относящийся к определённому научному ресурсу, в конкретную информационную службу» [36, р. 6; здесь и далее пер. мой. – В. Л.]. Т. е. в определении *использования* говорится исключительно о *запросе* (его предваряющем); о самом же *использовании запрошенного пользователем* в этом определении не говорится ровно ничего.

Более того, хотя, опираясь на данное определение, изучают использование конкретных *документов* и их организованных совокупностей (включая журналы), в нём ничего не говорится о том, что это – использование именно *документа*. Запрос относится «к определённому научному ресурсу» – таким ресурсом может быть, к примеру, библиотечный фонд или на месте такого ресурса может быть библиотечный фонд²⁰... Как же понимают «использование библиотечного фонда»?

²⁰ Кто-то, возможно, скажет, что это – хромая аналогия, т. к. ситуацию с использованием электронного ресурса я переношу на «традиционный» библиотечный фонд. Однако такие подходы пришли именно из «старых» библиотек: мне уже доводилось писать о точках «зрения [37] и [38] на использование научного журнала как на любое действие над ним, имеющее целью ознакомление с его содержанием читателей, причём – могущее быть осуществлённым как читателем, так и посредником (библиотекарем, библиографом)» [13, с. 13]. Мало того, авторы [37] и [38] считают, что использование осуществляется не только при выдаче журналов читателю, но и при введении библиографических описаний его публикаций в каталог, при осуществлении перевода статей; при их аннотировании» [13, с. 13]. Здесь говорится о журналах, хранящихся в самом «традиционном» библиотечном фонде, а подход к изучению их использования сходен.

«Наиболее старое его определение, известное мне, гласит, что “использование библиотечного фонда” – это *предоставление* читателю библиотеки и *библиотекарю* печатных документов “для идеологической, научной, информационно-библиографической и общеобразовательной работы” [39, с. 58]. Здесь документ “предоставлен” – и не обязательно читателю – но собственно о его использовании *читателем* речи нет... (Именно это так и изучалось использование журналов в уже упомянутых [37; 38].) Наиболее же свежее известное мне официальное определение использования библиотечного фонда гласит: “Использование фонда определяется как отношение числа документов, *затребованных* в определённый период времени, к общему количеству документов в фонде” [40, с. 59]. И вновь – определение “использования”, осуществлённое через запрос» [13, с. 10]. (В цитатах выделены мной сейчас курсивом слова “предоставление”, “библиотекарю”, “затребованных”. – В. Л.) «Использование» (но фонда) согласно этим определениям «заканчивается» *до того, как использование документа читателем начинается*. Получается, что после того, как документ *вышел из фонда*, «использование фонда» завершилось, а чтение выданного документа – уже начало использования *документа*. (Формально и это логично: хотя документ и является составляющей фонда, но теперь он рассматривается в отчуждении от него.) И так, конкретно в рассматриваемой цитате «предоставленный» (вышедший из фонда) – и не обязательно читателю – документ, свидетельствует об использовании фонда, но собственно о его использовании *читателем* (так сказать, «на входе») при этом и речи нет...

Но продолжаю самоцитирование. «А вот как определён термин “использование фонда” в терминологическом словаре “Библиотечное дело”: **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНДА.** Обращение пользователей к документам, имеющимся в библиотечном фонде. Служит главным критерием соответствия фонда информационным потребностям абонентов и читательским интересам. Измеряется многочисленными показателями, основные из которых – книгообеспеченность, книговыдача, обращаемость фонда, читаемость” [41, с. 49]. <...> Из этого определения использования *фонда* мы также ничего не узнаем о конкретном, реальном использовании *документов*, выданных из фонда²¹. Это нормально, когда объектом нашего интереса является фонд, но такая ситуация не может считаться удовлетворительной применительно к определению использования документа. А ведь вольно или невольно, но “прогрессивное” понимание... использования документов... как их предоставления²², кроется в старом понятии “использование библиотечного фонда”, причём неверно воспринятом» [13, с. 10]²³.

²¹ Кроме того, неверным терминопотреблением является выражение «главным критерием». Среди совокупности *показателей*, указывающих на свойство объекта, выбирается один, ведущий («наиболее адекватный», *главный*) *показатель*, который и называют *критерием*. «Просто» критерием, т. к. он – один [22].

²² Использование определяется и как «просмотр загрузок» [42]; а ведь возможно, что загруженный документ будет лишь *бегло* просмотрен; возможно, что к тексту документа обратятся лишь для того, чтобы убедиться, что он не нужен... В любом случае речь здесь может идти лишь об оценке *потенциального* использования (той самой «пригодности документа к использованию»?).

²³ После публикации работы [13] я прочитал в словаре 2018 г., что использование фонда – это «обобщённая характеристика степени обращения пользователей к документам, имеющимся в библиотечном фонде...» [18, с. 59]. Возможно, применительно *сугубо* к фонду всё логично, но процесс, характеризующий понятие «использования», вновь завершается *до того, как начинается* (предположительно; может и не состояться) *использование* пользователями документов, к которым до этого состоялось их обращение.

Итак, при изучении «использования» библиотечного *фонда* исследуют некие действия по отношению к *отдельным документам*, которые использованием самих документов ещё не являются. Но тогда понятно, что при изучении именно документов, являющихся частью фонда, может произойти и порой происходит определённый перенос понятия использования одного объекта на другой, где это понятие должно иметь другое содержание. И в [13, с. 10] я пытался, в частности, показать, что «корни современного ошибочного понимания “использования документов” как подачи запроса на документы, их получения или их загрузки (либо всего этого вместе взятого) могут быть понятны, если обратиться к старому, если не древнему, библиотечному понятию “использование библиотечного фонда”».

Написал «старому», но стоит подчеркнуть: *по сути* неизменному. Определение 2015 г. мало чем отличается от цитированного выше определения 1997 г.: «*Использование фонда* – обобщённая характеристика степени обращения пользователей к документам. Измеряется показателями книговыдачи, обращаемости, читаемости. Применяются также экспертные оценки и специальные методы, позволяющие судить об эффективности использования фонда. По степени использования различают активные и пассивные части фонда» [35, с. 356–357]. (Цитируемость не упомянута.) Определение 2018 г. [18, с. 59] отличается от него незначительно: первая фраза совпадает, третья по существу полностью совпадает со второй (формальное и отрадное отличие в том, что появляется термин «документ»!). Четвёртая и пятая фразы полностью совпадают с третьей и четвертой из определения [35, с. 356]. А вот и отличие: во втором предложении определения 2018 г. Здесь сказано, что «использование фонда» «служит главным критерием оценки пертинентности фонда, его соответствия информационными потребностям и интересам пользователей» [18, с. 59]. И эта формулировка вызывает острое сопротивление: ведь соответствие информационной потребности (а не запросу) – это то, что ясно видно *пользователю* документов [43; 44, с. 40], а не *посреднику*; последний оперирует релевантностью (соответствием *запросу*) [Там же]. Да, пертинентность документа отображается в библиографических ссылках на документ [44, с. 41], но этот метод в определении «использования фонда» не назван. (Если он «скрыт» среди «специальных методов», то и это вызывает серьёзнейший вопрос «Почему?!»: ведь применительно к оценке именно пертинентности *этот* метод окажется ключевым [Там же].)

Подведём некоторые очевидные итоги: документ – составляющая фонда, *фонд состоит из документов*. Более того, *фонд оценивают по обращениям к документам*. Конечно, понятия фонда и документа вряд ли смешиваются в сознании фондоведов, но с учётом названных обстоятельств легко ли им увидеть использование документа «в отрыве» от фонда: скажем, когда документ лежит на рабочем столе исследователя и ссылка на него вносится в рукопись статьи? И стереотипы оценки фонда (через документ!) «переползают», возможно, и на практику оценки самих документов²⁴.

²⁴ Например, в работе [45] хотя термин «использование журналов» никак не был определён, но подразумевались под ним обращения читателей, – *начиная* со снятия журнала с полки, перелистывания его в течение 60 секунд и последующего возвращения на место [45, р. 294]. Эта часть подхода тем и интересна в нашем

Лично я вижу здесь аналогию с трактовками *ценности* документа и фонда. Если документ был воспринят только с позиций библиотекаря, занимающегося выдачей документов из фонда (причём не обязательно даже специалисту, на которого рассчитан документ, но и коллеге-библиотекарю), но не с точки зрения специалистов, читающих и анализирующих документы, пересмысливающих их и использующих воспринятую из них информацию в своей научной работе при создании новых научных документов, тогда кажется естественным, что «ценность документа» – это (грубо говоря) его способность быть выданным... и всё. И, конечно, на такую способность влияет актуальность тематики, новизна документа и тому подобные свойства. Получается, что, как и в случае с «использованием», фигурируют два фактически разных понятия: «ценность документа для фонда» и «ценность документа для пользователя/читателя». Не берусь и не смею судить, насколько методологически верны подходы к оценке первого понятия и достоверны методики её оценки, но представляется ясным, что относительно оценки второго понятия их применимость, в лучшем случае, частична (может касаться такого признака ценности, как «способность документа к использованию») и сомнительна... Возможно, для специалиста с более широким и традиционным библиотечным образованием моя аналогия суть банальность или, напротив, нечто не вполне уместное. Возможную её сырость – ощущаю. Но ситуацию, как мне мыслится, она проясняет. Видимо, при оценке первого понятия («ценность фонда») фондоведами может неправомерно игнорироваться само предназначение научного документа. (И почему фонд должен отбирать документы, ценные *для себя*, а не для читателя?! Ведь существует-то он для читателя...)

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗБОРА ОПРЕДЕЛЕНИЙ ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО ДОКУМЕНТА

В свете вышеизложенного легче понять и воспринять, к примеру, такое определение, опубликованное в практическом пособии 2015 г.: *«Ценность – это предпочтительность одного документа другому по некоторому существенному для библиотеки признаку или их совокупности. Приоритетны актуальность, новизна, научная, производственная, этическая или художественная значимость произведения, его соответствие фонду, а также степень обращения пользователя к документу»* [47, с. 268; курсив источника. – В. Л.]²⁵.

Если бы слова «для библиотеки» не были набраны курсивом в оригинале цитируемого определения, я бы их выделил сам. Нас же, однако, интересует ценность не «для библиотеки», а «для пользователя», поэтому принимаем это определение к сведению и воспринимаем его как косвенно подтверждающее правоту изложенного в «предположении, основанном на аналогии» суждения о «двух ценностях». Впрочем, косвенно ли? Ведь ясно, что в этом определении различаются «отношения» документа с фондом и с пользовате-

---

контексте, что в ней изучается использование журнала *в самом фонде*. «Всё это вполне согласуется (формально) с термином “использование библиотечного фонда”, нормативными индикаторами которого были книговыдача и обращаемость [41, с. 68; 46, с. 59–60], – и такое понимание было в своих кругах совершенно очевидным» [13, с. 13]. Цитируемость журналов в работе [45] вообще не изучалась.

²⁵ Такое же – в учебнике 2015 г. «Библиотечный фонд» [35, с. 117]. (Там оно присутствует наряду с определением «глоссария», рассмотренным мной выше.)

лем («соответствие документа фонду», но «степень обращения пользователя к документу»). Таким образом, рассмотренное определение мы принимать не станем – нас интересует ценность документа *для читателя*, – но в качестве весьма плодотворного источника дальнейших размышлений – запомним. Причём запомним с вполне отрадными чувствами: ведь упоминание в соответствующем «внутрибиблиотечном» контексте о «степени обращения пользователя к документу» [47, с. 268] говорит и о том, что ценное для пользователя – ценно с точки зрения автора и для библиотеки²⁶.

В определении радуется и то, что оно оперирует не «способностью документа к использованию», а «степенью обращения пользователя к документу»... Хотя речь – «всего лишь» об обращении, но всё же – об обращении *состоявшемся* (критерий практики возвращает свои права).

Ещё одним достоинством этого определения является то, что в нём упоминается «предпочтительность». А ведь «предпочтительность» сама по себе вполне приемлемо характеризует ценность *в целом* (ср. с формулировкой «ценность как критерий предпочтения в ситуации альтернативного выбора» [12, с. 111]): именно она-то и проявляется в использовании документа читателем как в результате осознанного или неосознанного выбора. Запомним и это на случай, если в дальнейшем ещё доведётся работать над определением ценности документа. Правда, сама библиотека использовать документ (таким образом, как читатель) не будет; она установит «предпочтительность» путём сравнения документа с некими эталонными признаками²⁷...

Рассмотренное определение не ново. Так, уже в учебнике 1991 г. «Библиотечные фонды» [50, с. 82] читаю почти этот же текст, единственным его отличием от процитированного является то, что в нём вместо «степени обращения пользователя к документу» говорится о «степени использования абонентами». Но обращения к документам отражают видение библиотечниками «использования фонда», а применительно к самим документам они отражают «использование <документов> для ознакомления» [48] или их «потенциальное использование» [49, с. 177, 180; 13, с. 8–10]. При этом, хотя речь и здесь идёт об оценке, приложенной к отдельным *документам*, из формулировки предметного указателя данного учебника следует, что определяется при этом «ценность фонда» [50, с. 257]. Сама же ценность трактуется как интегральное свойство, предполагающее соответствие документа «приблизительно двадцати объективным и субъективным параметрам одновременно» [50, с. 83] и связывается с осознанием «значимости документа

²⁶ Обращения пользователя к документу отражают «использование для ознакомления» [48] или «потенциальное использование» [49, с. 177, 180; 13, с. 8–10]; следовательно, они также отражают ценность – хотя менее точно, нежели цитируемость [49, с. 184; 13, с. 9].

²⁷ Что по сути является оценкой *качества* (вспомним краткое определение соответствующих стандартов ещё раз: качество – соответствие характеристик требованиям). Между тем, в тексте, комментирующем рассматриваемое определение ценности, есть фраза, которая, на мой взгляд, «опрокидывает» в нём всё, кроме указания на «степень обращения пользователя к документу»: «Объективно она <ценность> сохраняется в течение того времени, пока в документе имеется потребность у той или иной группы пользователей. По её удовлетворению ценность документа резко снижается...» [47, с. 269]. Это более или менее соответствует мысли о том, что с прекращением использования документа он «приобретает» нулевую ценность. Здесь, в цитируемом тексте, она не нулевая, а незначительная, поскольку документ продолжает соответствовать неким «существенным для библиотеки признакам». Но тогда получается, что львиная доля ценности и с позиций фондоведа определяется использованием!

для абонента» [Там же]²⁸. Также оценка ценности предполагает суждения о степени «предполагаемого влияния документа на сознание и деятельность абонента» [Там же]; эта идея не раскрывается.

Что же «в остатке»? Упоминание о «степени использования» и всё, что с ней связано, – весьма продуктивны. Для решения моих сегодняшних задач я воздержусь от использования «фондоведческих» формулировок в полном объёме. Но ещё раз отмечу: рассуждения о «степени использования», о том, что после использования «ценность документа резко снижается» [47, с. 269] – весьма продуктивны, что побуждает стремление автора следить за развитием соответствующих фондоведческих концепций и в будущем...

ИТАК, ОПРЕДЕЛЕНИЕ?

Итак, в данной статье предлагается к использованию то определение ценности документа, которое выше излагалось в качестве «промежуточного условного проекта определения», а именно: *«ценность научного документа – это свойство, определяемое степенью его фактического использования в научной и научно-практической деятельности человека для достижения определённой цели»*. Теперь (в рамках данного текста) это определение предлагается к использованию окончательно.

А ГДЕ ЖЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТА?

Настойчивый оппонент может заявить, что, мол, «всё же не очень ясно, а что такое “использование документа”?» И ведь не ответишь, что это давно интуитивно понятно из всего изложенного (да и из опубликованного раньше, да и вообще ясно), что цитируемость с использованием напрямую отождествляли Е. З. Мирская [56], М. Х. Макробертс и Б. Р. Макробертс [57], Э. Ф. Дж. ван Раан [58], Р. С. Гиляревский [59] и многие, многие другие... Но нет, слышу я, коли ты – такой педант-зануда, то благоволи-ка дать «использованию документа» *определение*...

А необходимость в нём есть. Так, например, хотя абсолютно нелогична позиция, предполагающая, что обращения отражают использование документов, а цитируемость – нет, сегодня в базе данных Web of Science использованием называют именно обращения к документу (а то и просто к его реферату и ключевым словам), а цитируемость (ради которой и создавался предшественник Web of Science – Science Citation Index) использованием в базе данных Web of Science не называется (!!??). И время от времени появ-

²⁸ «Значимость» – синоним «важности» [51; 13, с. 7], а «важность» – производное от «важный» [52]. «Важный» же, в частности, – «сильно влияющий на ход событий или природу вещей», «имеющий сильное влияние» [53] или «нужный или имеющий большую ценность», «имеющий большое воздействие или влияние» [54]. Получается, что, говоря о «значимости» документа, мы вновь имеем в виду его ценность или его влияние. В работе – пожалуй, ставшей классической [55, р. 70] – говорится, что «важность публикации относится к её потенциальному влиянию на окружающую исследованию деятельность».

ляются мощно выглядящие работы, утверждающие, что существует множество причин (целей, функций) цитирования, среди которых «использование» называется лишь наряду с другими [60, р. 45; 61; 62]. Так что наличие признанного определения могло бы в какой-то мере стать «противоядием» подобным тенденциям.

Но признанному определению должно предшествовать хотя бы дискуссионное. В этой связи для начала вновь приведу цитату из собственной статьи [13], в которой фактически предлагается определение использования документа и которая могла бы снять ряд вопросов: «...во-первых, использование, понимается, включает в себя прочтение (а не беглый просмотр) документа, но не сводится к нему. Во-вторых, *под использованием понимается не прочтение “для ознакомления”, но включение содержания прочитанного в содержание создаваемого (цитирующего) документа.* Грубо говоря: нет создаваемого документа – нет и реального использования. Если играть словами, можно сказать “нет возможности оценить использование”, но мы предпочитаем предыдущую формулировку, поскольку предварительное обдумывание идеи на основе прочитанного документа не только не подтверждается явными документальными индикаторами, но и не обязательно приводит впоследствии к созданию научного результата. <...> А имеющийся индикатор – учёт поисковой читательской деятельности – отражает потенциальное использование – даже, пожалуй, предполагаемое. В работе [63] мы определяли реальное использование как “*сравнение и усвоение идей или методов, их обсуждение (включая опровержения!) в конкретной творческой работе пользователя*”... С этой точки зрения чтение для ознакомления, за которым не следует конкретное вовлечение прочитанного материала в конкретную творческую работу, не является реальным использованием, но лишь предпосылкой к нему” [63, с. 8]» [13, с. 9] (первое и последнее выделения курсивом в этом отрывке сделаны мной сейчас. – В. Л.).

В свете вышеизложенного можно добавить: когда документ выходит из фонда, это означает «использование фонда» (его завершение) и «потенциальное использование документа» читателем. Когда читатель знакомится с документом, создаётся предпосылка к реальному использованию (которую можно назвать «использованием для ознакомления» [48] или говорить о каком-то «первичном», «предварительном», – даже «предполагаемом» – использовании). Ну, а когда происходит, так сказать, «выход документа из пользователя» – т. е. его цитирование, – документируется использование реальное, состоявшееся. А по различной «степени использования» документов определяется уровень их ценности.

Хорошо, ответит оппонент, но чеканной чёткости пока маловато. И всё это – не словарные определения. Что ж, чёткость придёт в дальнейших работах, а попадание в словари от автора ли зависит? Сегодня в словарях по библиотечному делу *нет никакого* определения понятия «использование документа», а в известных мне философских словарях нет определения понятия «использование». Нет определения понятия «использование документа» или «использование» в словаре по библиометрии В. Диодато [64]. Так что придётся пока довольствоваться моим определением – первичным, неофи-

циальным, дискуссионным, проектным... И верифицировать его придется с помощью обычных словарей.

С этой целью открываю Интернет и читаю: «ИСПОЛЬЗОВАТЬ <...>. Употребить (употреблять) кого-, что-л. для какого-л. дела, найти (находить) применение кому-, чему-л....» [65]. Ясно, что этому значению соответствует и «использование документа», отражённое в его цитируемости и, вероятно, «использование», понимаемое как чтение документа. Но вот в подачах заявки на электронную копию, электронных закладках... во всех этих случаях, столь охотно называемых рядом моих коллег «использованием», *использование и не просматривается*: ведь не ясно даже, будет ли документ хотя бы прочитан. Странно, что для прояснения этого вопроса ряду специалистов мало здравого смысла; а между тем уже на его уровне есть неплохие формулировки. Вот, например: «Вообще говоря, процесс цитирования во многом близок к процессу обращения к информационным источникам: и в том и другом случае можно говорить об “использовании” информации – или для написания собственной работы или для простого ознакомления с публикацией» [66, с. 8]. Никакой дальнейшей аргументации, а всех устроило. (А цитата, между прочим, из диссертации.) Заметим: и здесь «использование» начинается с «ознакомления с публикацией». Но *не* до него.

Но будем до конца педантами и возьмём определение также из англоязычного словаря [67]. Если принять его формулировки о том, что использовать – это «прилагать что-то, например, инструмент... для определённой цели» или «воспользоваться человеком или ситуацией; эксплуатировать», то усвоение содержание цитируемых документов при цитировании исследовательских работ выглядит гораздо в большей степени использованием, чем просто их просмотр или тем более загрузка.

При этом «я действительно считаю, что научную публикацию можно рассматривать как инструмент. Это, конечно, не “человек или ситуация”, но цитирующий вполне может воспользоваться этим как инструментом, например, поместив своё собственное исследование в благоприятный когнитивный контекст, интерпретировав неоднозначные результаты как подтверждающие его/её точку зрения, убедив коллег в своей собственной правоте с помощью ссылок на аналогичные результаты, полученные более авторитетными авторами... Некоторые из вышеперечисленных действий авторов с цитируемыми работами можно было бы назвать и “эксплуатацией”» [68, р. 32].

Нужно ли было ломиться в открытые двери? Но как иначе опровергнуть такое, например, построение. В работе [61, р. 97] Р. Джа и его соавторы исповедуют (используя внешне убедительную аргументацию) следующую схему классификации целей цитирования: ссылки «критикующие», «для сравнения», «подтверждающие использование», «обосновывающие», «фундаментальные», «нейтральные». Здесь «использование» – один из ряда вариантов. Но в действительности «использование» в этой серии – вопреки замыслу авторов – выглядит не просто как ещё одно понятие, но именно *обобщающим* понятием. Критика, сравнение, подтверждение, обоснование – всё это частные случаи использования. Действительно, легко представить себе использование цитируемого документа для сравнения или обоснования, кри-

тики оппонентов или подтверждения своей правоты, но, напротив, трудно представить «чистое» использование документа без какого-либо дальнейшего уточнения характера имевшего место использования. По-видимому («чистым») «использованием» Р. Джа и соавторы [61] могут обозначать единственный его вид: когда авторы цитирующей статьи непосредственно воспроизводят метод, описанный в цитируемой статье. Исследователи заявили, что «цитирующее предложение классифицируется как “использование”, когда цитирующая статья использует метод, идею или инструмент из цитируемой статьи» [61, р. 97], но если мы можем использовать метод путём его воспроизведения, то как мы можем «чисто» использовать идею? Если мы её украдём, – это использование... но цитирования не будет. Но если мы идею процитируем, то это будет либо «сравнение», либо «обоснование», либо «фундамент». И, кстати, в приведённой ниже формулировке авторы статьи проговорились, что «фундамент» – это своего рода «использование»: «Цитируемое предложение классифицируется как “фундамент”, когда автор *использует* цитируемую работу в качестве отправной точки или мотивации и развивает цитируемую работу» [61, р. 97] (выделено мной. – В. Л.). Ведь эту мысль без слова «использование» и не выразишь! Что после этого остаётся от отказа признавать использование единственной *причиной* цитируемости?! Правда, авторы [61] говорят не о причине (“cause”), а о цели (“purpose”), но как можно говорить о *цели цитирования* всерьёз «со стороны», если сами цитирующие учёные таким вопросом не задаются и объяснить мотивы цитирования... не могут [30, р. 615; 31, с. 70]?! Естественно, что, имея это в виду, воспринимаешь “purpose” как синоним “reason” и полагаешь, что исследователи [61] имели в виду, что, помимо использования документа, для его цитирования существуют и другие причины.

Слово “causes” зато используют авторы обзора И. Тахамтан и Л. Борнманн [62] (наряду с “motivations” и “functions”). В этом обзоре, названном «Что измеряет количество цитирований?», анализировались отнюдь не причина цитируемости и не отображаемое свойство, как следовало бы, казалось, ожидать из названия. Рассматривались классификации ссылок, отражающие их различные функции с подводом читателя к выводу о том, что невозможно узнать, что измеряет количество ссылок, до тех пор, пока мы не применим анализ содержания и контекста цитируемого материала (хотя количество ссылок в любом случае будет отражать использование). Далее вопрос о причине цитирования заменялся вопросом о *мотивах* цитирования, а то и о предлогах для него²⁹. Мотивы (и предлоги) действительно многочисленны; их трудно различить со всей определённой и невозможно различить со всей однозначностью; так, работы Т. А. Брукса [70; 71] продемонстрировали, что 70% цитат, изученных этим автором, были вызваны несколькими мотивами одновременно. Также было отмечено, что «мотивы предоставления (или непредоставления) ссылки на конкретную статью могут значительно различаться» [72, р. 26], что мотивы цитирования сложны [71]. Следовательно, если рассматривать не причину (использование), а мотивы или предлоги в качестве непосредственных атрибутов, соответствующих цифрам цитирова-

²⁹ И не только в этой работе. См. более ранние работы, напр., [69; 60].

ния, то практически невозможно выделить такую характеристику цитируемого документа, с которой цитируемость имела бы причинно-следственную связь. Но каким бы сложным ни был мотив цитирования, причина для цитирования остаётся той же, а именно использование (цитируемого) документа. Независимо от того, сколько было мотивов цитировать один и тот же документ в одно и то же время, причина для этого снова остаётся той же, и этой причиной является использование.

Ну и, несмотря на цитируемую в [62, р. 1636] формулировку «каким образом цитируемая статья была использована в цитируемой статье», которая невольно указывает на то, что цитируемая статья всегда является используемой, ниже И. Тахамтан и Л. Борнманн [62, р. 1654] отдельно рассматривают «использование» как (просто) часто используемую и популярную функцию в схеме классификации нескольких соответствующих исследований, полностью ассимилируя подход Р. Джа и др. [61], о котором говорилось выше... Всё это и указывает на важность – в приложении к библиометрии (наукометрии) кропотливого постижения внешне «очевидных истин».

Некоторые авторы (напр., [73]) утверждают, что масса цитируемых работ цитирующими их авторами в действительности не использовалось, а были произвольно приписаны за счёт списания их с тематически близких публикаций других специалистов; считается, что это ставит под сомнение тезис «цитируемость отражает использование». Что ж, встречаются и *фальшивые ссылки*, но ведь подделка не изменяет принцип, согласно которому функционирует оригинал. Мы ведь не утверждаем, что фальшивые купюры подвергаются сомнению саму монетарную систему, мы ведь не призываем отказаться от современной монетарной системы из-за того, что существуют фальшивомонетки [74, с. 11]. Просто? До банальности. Только вновь нужно было включить здравый смысл.

ЧТО ДЕЛАТЬ (ДАЛЬШЕ)?

Прекрасно отдаю себе отчёт, что следует продолжать работать в этом направлении. Так, давно потерял счёт статьям, которые и после выхода моих работ [24; 75; 76] исповедуют якобы имеющее место «наличие» причинно-следственной связи между *качеством* научного документа и его последующей цитируемостью³⁰. Но это – общая задача. А если задаться вопросами о том, «всё ли обсуждаемое в данной статье было рассмотрено с должной полнотой и какие вопросы подлежат дальнейшему развитию», то какие задачи возникают перед автором?

Мои сегодняшние ответы таковы. Во-первых, определение «использования научного документа», приведённое здесь, будучи интуитивно понятным, всё же нуждается в более строгой формулировке, дальнейшей проработке. При этом неплохо было бы вписать его в контекст более общего «использова-

³⁰ Можно ли принимать такую точку зрения, ничуть не озаботившись определением рассматриваемого свойства?! Между тем, за редчайшими исключениями, именно так и происходит. Похоже, эти авторы и опровержения «нормативной теории цитируемости» – фундамента своих обоснований – не заметили.

ния *документа*» (любого). Очевидная в своём решении или нет, такая задача здесь ещё даже не ставилась.

Также нуждается в большей строгости разбор различий между использованием *документа* и использованием библиотечного *фонда* или любой другой документной коллекции или ресурса, которая имеет с библиотечным фондом принципиально одинаковую схему³¹. Говорю при этом с точки зрения и применительно к точке зрения именно библиометриста, которая может привнести свежий взгляд на данный аспект.

И наконец, после рассмотрения вопросов об оценке использования и ценности научных документов с помощью анализа цитируемости на уровне здравого смысла (который бывает и полезнее «теорий цитируемости» [58]) его вообще-то следовало бы рассмотреть и *в контексте* этих теорий. И автор надеется, что ему достанет времени, сил и обстоятельств для решения этих задач³².

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарев В. С. О ценности научного документа. Часть 1 // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 4. С. 146–165. DOI 10.19181/sntp.2023.5.4.8. EDN NPOHMP.
2. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2000. 576 с.
3. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В. Философский словарь : справочник студента. М. : Филологическое общество «СЛОВО» ; АСТ, 2002. 704 с.
4. Значение // Грамота.ру : [сайт]. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=значение&mode=slovari> (дата обращения: 23.10.2023).
5. Значение // Толковый словарь Ожегова : [сайт]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9286> (дата обращения: 23.10.2023).
6. Философский словарь / под. ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М. : Политиздат, 1972. 496 с.
7. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М. : Наука, 1976. 435 с. EDN SKJLQF.
8. Терминологический словарь по информатике. М. : МЦНТИ, 1975. 752 с.
9. Столяров Ю. Н. Документология : учебное пособие. Орёл : Горизонт, 2013. 370 с. EDN YWSBML.
10. Столяров Ю. Н. Сущность информации. М. : ГПНТБ России, 2000. 106, [1] с. EDN YUTUQH.
11. Зозулич М. Ф., Венделева М. А. Особенности управления информационными ресурсами предприятия // Экономика и эффективность организации производства. 2008. № 9. С. 230–233. EDN VEHSRR.
12. Минкина В. А. Изучение документальных потоков для определения ценностных свойств технической литературы // Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии : сб. науч. тр. Л. : ЛГИК, 1983. С. 111–122.
13. Лазарев В. С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. 2017.

³¹ Особенно важным кажется разбор «парадоксальных» ситуаций, когда фонд (коллекция, ресурс) использован, а документ, на основании обращения к которому, сделано такое суждение, – нет.

³² Здесь остался неосвещённым также вопрос об индикаторах использования научных документов в научно-практической деятельности. Должен сказать, что в современной наукометрии внимание ему уделяется нешуточное... Но это просто совсем «не моя» тема, и поворота в эту сторону я не планирую.

Т. 42, № 1. С. 3–16. URL: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040#page=3>. EDN YHDACD.

14. Значение слова «практический» // Herzena.ru : [сайт]. URL: <https://herzena.ru/index.php/words/show/12809> (дата обращения: 10.10.2023).

15. Практика // Gufo.me : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/практика> (дата обращения: 10.10.2023).

16. Практический // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4046/практический> (дата обращения: 10.10.2023).

17. *Фокеев В. А.* Библиографическая наука и практика : терминологический словарь. СПб. : Профессия, 2008. 272 с. EDN VLZUYX.

18. Библиотечный фонд : словарь-справочник / сост. Е. И. Ратникова, Н. З. Стародубова, Л. М. Толчинская. М. : ИНФРА-М, 2018. 160 с.

19. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках / Г. С. Жданова, Е. С. Колобродова, В. А. Полушкин, А. И. Черный. М. : Наука, 1971. 359 с.

20. *Минкина В. А., Рокицкая Э. Е.* Техническая литература как источник информации : учеб. пос. Л. : ЛГИК, 1979. 68 с.

21. *Егерева Т. А.* Информационные характеристики технической литературы как индикаторы ценностных свойств // Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии : сб. науч. тр. Л. : ЛГИК, 1983. С. 123–139.

22. *Мотылев В. М.* Содержание и соотношение понятий «показатель» и «критерий» // Советское библиотековедение. 1985. № 1. С. 14–23.

23. *Уваренко А. Р., Литкевич О. И., Борисовец Л. Ф.* Некоторые критерии определения информационной ценности первичных публикаций в научных журналах // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1980. № 1. С. 13–15.

24. *Лазарев В. С.* Можно ли считать уровень цитируемости научных документов показателем их качества? // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Груши. Минск : Беларуская наука, 2018. С. 88–103. EDN XWSTVR.

25. *Лазарев В. С.* Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают “impact” // Наука и научная информация. 2019. Т. 2, № 2. С. 129–138. DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138. EDN LKSIWM.

26. ISO 9000:2015(ru): Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь // ISO : [сайт]. URL: <https://iso.org/obp/ui#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:ru> (дата обращения: 26.10.2023).

27. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. СТБ ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). Взамен СТБ ИСО 9000-2006; введ. 2016-03-01. Минск : Госстандарт ; БелГИСС, 2015. 54 с.

28. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Поправкой) ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (Национальный стандарт Российской Федерации) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 16.10.2023).

29. *Virgo J. A.* A statistical procedure for evaluating the importance of scientific paper // The Library Quarterly. 1977. Vol. 47, № 4. P. 415–430. DOI 10.1086/620723.

30. *Nicolaisen J.* Citation analysis // Annual Review of Information Science and Technology. 2007. Vol. 41, issue 1. P. 609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.

31. *Бредихин С. В., Кузнецов А. Ю., Щербакова Н. Г.* Анализ цитирования в библиометрии. Новосибирск : ИВМиМГ СО РАН ; НЭИКОН, 2013. 344 с. EDN WAUMXH.

32. К методике оперативной оценки научной деятельности научно-исследовательских учреждений / В. С. Лазарев, Г. П. Гордиенко, Г. А. Карась [и др.] // Вопросы библиографоведения и библиотековедения : межвед. сб. Минск : Университетское, 1993. Вып. 14. С. 16–27.
33. *Lazarev V. S. Citation analysis in the context of nobelistics: Citedness figures (An essay of a bibliometrician)* // Нобелистика. Науковедение. Информатика : мат. 5 Междунар. встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов ; 5 Междунар. (7 Тамбовской) науч. конф. «Информатика и науковедение» (Тамбов, 17–20 ноября 1998 г.). Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина ; Изд-во МИНЦ, 1999. С. 7–18.
34. Библиотечные фонды : учебник / под ред. Ю. Н. Столярова, Е. П. Арефьевой. М. : Книга, 1979. 296 с. EDN HCKNNG.
35. *Столяров Ю. Н. Библиотечный фонд : учебник*. СПб. : Профессия, 2015. 384 с.
36. *Kurtz M. J., Bollen J. Usage bibliometrics* // Annual Review of Information Science and Technology. 2010. Vol. 44, issue 1. P. 1–64. DOI 10.1002/aris.2010.1440440108.
37. *Тышкевич Н. И., Сизов Б. И., Дмитриенко И. М.* О принципах централизованного учета использования и распределения средств на приобретение периодики и путей его реализации // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1972. № 2. С. 3–10.
38. *Шулейкин Н. М., Махотенко Ю. А., Новикова Л. С.* Статистическое исследование эффективности использования фондов // Научные и технические библиотеки СССР. 1969. Вып. 9 (81). С. 17–21.
39. Словарь библиотечных терминов / общ. ред. О. С. Чубарьяна. М. : Книга, 1976. 224 с.
40. *Полл Р., Бокхарст П. те* [и др.]. Измерение качества работы : Международное руководство по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек. М. : Логос, 2002. 151 с. (Публикация ИФЛА, 76).
41. Библиотечное дело : терминологический словарь / сост. Т. А. Бахтурина и др. М. : РГБ, 1997. 167 с.
42. Altmetrics: A manifesto // Altmetrics.org : [сайт]. URL: <http://altmetrics.org/manifesto/> (дата обращения: 12.10.2023).
43. *Соколов А. В., Федорова Н. С.* Исследование эффективности автоматизированной системы избирательного распределения информации // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1969. № 11. С. 22–27.
44. *Воверене О.* Оценка функциональной эффективности систем информационно-библиотечного обеспечения НИИ и КБ // Труды информатиков Литвы. Т. III. Вильнюс : ЛитНИИТИ, 1976. С. 35–47.
45. *Wenger Ch. B., Childress J.* Journal evaluation in a large research library // Journal of the American Society for Information Science. 1977. Vol. 28, issue 5. P. 293–299. DOI 10.1002/asi.4630280509.
46. Библиотечное дело : терминологический словарь / сост. И. М. Суслова, Л. Н. Уланова. М. : Книга, 1986. 224 с.
47. *Столяров Ю. Н.* Формирование библиотечного фонда : практ. пособие. СПб. : Профессия, 2015. 508 с. EDN YWRFLN.
48. *Гаева Р. Л., Баунов А. М.* Определение информационной ценности периодических и продолжающихся изданий по некоторым вопросам нефтехимического синтеза // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы. 1978. № 8. С. 20–22.
49. *Лазарев В. С.* Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий // Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения : сб. науч. тр. М. : [б. и.], 1989. С. 173–186.

URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/25434/173-186.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).

50. *Столяров Ю. Н.* Библиотечный фонд : учебник. М. : Книжная палата, 1991. 271 с. EDN YXAAGT.

51. Significance // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/significance> (дата обращения: 28.03.2023).

52. Importance definition & meaning // YourDictionary : [сайт]. URL: <https://yourdictionary.com/importance> (дата обращения: 27.10.2023).

53. Important definition & meaning // YourDictionary : [сайт]. URL: <https://yourdictionary.com/important> (дата обращения: 27.10.2023).

54. Important // Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/important> (дата обращения: 27.10.2023).

55. *Martin B. R., Irvine J.* Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy // *Research Policy*. 1983. Vol. 12, issue 2. P. 61–90. DOI 10.1016/0048-7333(83)90005-7.

56. *Мирская Е. З.* Механизм оценки и формирования нового знания // *Вопросы философии*. 1979. № 5. С. 119–130. EDN TAUOJH.

57. *MacRoberts M. H., MacRoberts B. R.* Problems of citation analysis: A critical review // *Journal of the American Society for Information Science*. 1989. Vol. 40, issue 5. P. 342–349. DOI 10.1002/(SICI)1097-4571(198909)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U.

58. *van Raan A. F. J.* In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much // *Scientometrics*. 1998. Vol. 43, issue 1. P. 129–139. DOI 10.1007/BF02458401.

59. *Гиляревский Р. С.* Публикационная активность как оценка научных достижений // *Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информационной работы*. 2014. № 8. С. 1–9.

60. *Bornmann L., Daniel H.-D.* What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior // *Journal of Documentation*. 2008. Vol. 64, № 1. P. 45–80. DOI 10.1108/00220410810844150.

61. NLP-driven citation analysis for scientometrics / *R. Jha, A.-A. Jbara, V. Qazvinian, D. R. Radev* // *Natural Language Engineering*. 2017. Vol. 23, issue 1. P. 93–130. DOI 10.1017/S1351324915000443.

62. *Tahamtan I., Bornmann L.* What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018 // *Scientometrics*. 2019. Vol. 121, № 3. P. 1635–1684. DOI 10.1007/s11192-019-03243-4.

63. *Lazarev V. S.* Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment // *International Journal of Information Sciences for Decision Making*. 1997. № 1 (December). P. 1–17. URL: https://isd.m.univ-tln.fr/PDF/isd.m1/isd.m1a6_lazarev.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

64. *Diodato V.* Dictionary of bibliometrics. New York : The Haworth Press, 1994. xiii, 185 p.

65. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.02.2024).

66. *Писляков В. В.* Информетрическое моделирование процесса обращения к электронным информационным ресурсам : дис. ... канд. физ.-мат. наук : 05.13.18. Казань, 2008. 155 с. EDN NQFHJT.

67. Use // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (дата обращения: 20.10.2023).

68. Lazarev V. S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 1: Value // University Library at a New Stage of Social Communications Development. Conference Proceedings. 2019. № 4. P. 28–36. DOI 10.15802/unilib/2019_187405.

69. Vinkler P. Comparative investigation of frequency and strength of motives toward referencing. The reference threshold model // *Scientometrics*. 1998. Vol. 43, issue 1. P. 107–127. DOI 10.1007/BF02458400.

70. Brooks T. A. Private acts and public objects: An investigation of citer motivations // *Journal of the American Society for Information Science*. 1985. Vol. 36, issue 4. P. 223–229. DOI 10.1002/asi.4630360402.

71. Brooks T. A. Evidence of complex citer motivations // *Journal of the American Society for Information Science*. 1986. Vol. 37, issue 1. P. 34–36. DOI 10.1002/asi.4630370106.

72. Handbook of quantitative science and technology research: The use of publication and patent statistics in studies of S&T systems / ed. by H. F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers, 2004. x, 800 p.

73. Simkin M. V., Roychowdhury V. P. Stochastic modeling of citation slips // *Scientometrics*. 2005. Vol. 62, issue 3. P. 367–384. DOI 10.1007/s11192-005-0028-2.

74. Лазарев В. С. Цитируемость как средство отражения ценности и качества научных документов, результативности учёных, нобелевского уровня исследований / под ред. проф. В. М. Тютюнника. Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена ; Гамбург ; Стокгольм ; Буаке ; Варна ; Ташкент : Нобелистика, 2020. 64 с. EDN GYQEEO.

75. Лазарев В. С. «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов / под ред. В. М. Тютюнника. Тамбов ; М. ; СПб. ; Баку ; Вена ; Гамбург ; Стокгольм ; Буаке : Нобелистика, 2018. 70 с. EDN XWCYBV.

76. Lazarev V. S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 2: Quality? // University Library at a New Stage of Social Communications Development. Conference Proceedings. 2019. № 4. P. 37–42. DOI 10.15802/unilib/2019_187406.

REFERENCES

1. Lazarev V. S. On the value of a scientific document. Part 1. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(4):146–165. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.4.8.

2. Philosophical encyclopedic dictionary [Filosofskii entsiklopedicheski slovar']. Moscow : INFRA-M; 2000. 576 p. (In Russ.).

3. Kirilenko G. G., Shevtsov E. V. Philosophical dictionary [Filosofskii slovar']: A student's guide. Moscow : Philological Society "SLOVO" ; AST; 2002. 704 p. (In Russ.).

4. Znachenie [Meaning]. Gramota.ru. Available at: <https://gramota.ru/poisk?query=значение&mode=slovari> (accessed: 23.10.2023). (In Russ.).

5. Znachenie [Meaning]. Ozhegov's explanatory dictionary. Available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9286> (accessed: 23.10.2023). (In Russ.).

6. Rozental M. M., ed. A dictionary of philosophy [Filosofskii slovar']. 3rd ed. Moscow : Politizdat; 1972. 496 p. (In Russ.).

7. Mikhailov A. I., Chernuiy A. I., Gilyarevskii R. S. Science communication and computer science [Nauchnye kommunikatsii i informatika]. Moscow : Nauka; 1976. 435 p. (In Russ.).

8. Dictionary of informatics terms [Terminologicheskii slovar' po informatike]. Moscow : International Center for Scientific and Technical Information; 1975. 752 p. (In Russ.).
9. Stolyarov Yu. N. Documentology [Dokumentologiya] : A study guide. Orel : Gorizont; 2013. 370 p. (In Russ.).
10. Stolyarov Yu. N. The essence of information [Sushchnost' informatsii]. Moscow : Russian National Public Library for Science and Technology; 2000. 106, [1] p. (In Russ.).
11. Zozulich M. F., Vendeleva M. A. Specific features of enterprise information resources management [Osobennosti upravleniya informatsionnymi resursami predpriyatiya]. *Economics and Efficiency of Production Organization=Ekonomika i effektivnost' organizatsii proizvodstva*. 2008;(9):230–233. (In Russ.).
12. Minkina V. A. Studying documentary flows for assessing value characteristics of technical literature [Izuchenie dokumental'nykh potokov dlya opredeleniya tsennostnykh svoystv tekhnicheskoi literatury]. In: Documentary flows on natural sciences and technology and bibliographical problems [Dokumental'nye potoki po estestvoznaniyu i tekhnike i problemy bibliografii] : A collection of research works. Leningrad : Leningrad State Institute of Culture; 1983. P. 111–122. (In Russ.).
13. Lazarev V. S. Scientific documents and their ordered sets: Citedness, use, value [Nauchnye dokumenty i ikh uporyadochennye sovokupnosti: tsitiruemost', ispol'zovanie, tsennost']. *International Forum on Information=Mezhdunarodnyi forum po informatsii*. 2017;42(1):3–16. Available at: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040#page=3>. (In Russ.).
14. The meaning of the word 'prakticheskii' [Znachenie slova «prakticheskii»]. Herzena.ru. Available at: <https://herzena.ru/index.php/words/show/12809> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).
15. Praktika. Gufo.me. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov/практика> (accessed: 10.10.2023). (In Russ.).
16. Prakticheskii. Academic.ru. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4046/практический> (accessed:10.10.2023). (In Russ.).
17. Fokeev V. A. Bibliographic science and practice [Bibliograficheskaya nauka i praktika] : A terminological dictionary. St. Petersburg : Professiya; 2008. 272 p. (In Russ.).
18. Ratnikova E. I., Starodubova N. Z., Tolchinskaya L. M., comp. Library stock [Biblioteknyi fond] : A reference dictionary. Moscow : INFRA-M; 2018. 160 p. (In Russ.).
19. Zhdanova G. S., Kolobrodova E. S., Polushkin V. A., Cherny A. I. Dictionary of terms in information science in Russian and English [Slovar' terminov po informatike na russkom i angliiskom yazykakh]. Moscow : Nauka; 1971. 359 p. (In Russ.).
20. Minkina V. A., Rokitskaya E. E. Technical literature as a source of information [Tekhnicheskaya literatura kak istochnik informatsii] : A study guide. Leningrad : Leningrad State Institute of Culture; 1979. 68 p. (In Russ.).
21. Egereva T. A. Information characteristics of technical literature as indicators of value properties [Informatsionnye kharakteristiki tekhnicheskoi literatury kak indikatory tsennostnykh svoystv]. In: Documentary flows on natural sciences and technology and bibliographical problems [Dokumental'nye potoki po estestvoznaniyu i tekhnike i problemy bibliografii: Sbornik nauchnykh trudov] : A collection of research works. Leningrad : Leningrad State Institute of Culture; 1983. P. 123–139. (In Russ.).
22. Motylev V. M. The content and correlation of the concepts “indicator” and “criterion” [Soderzhanie i sootnoshenie ponyatii «pokazatel'» i «kriterii»]. *Soviet Library Science=Sovetskoe bibliotekovedenie*. 1985;(1):14–23. (In Russ.).
23. Uvarenko A. R., Litkevich O. I., Borisovets L. F. Criteria for assessment of the information value of primary publications in science journals [Nekotorye kriterii opredeleniya informatsionnoi tsennosti pervichnykh publikatsii v nauchnykh zhurnalakh]. *Scientific*

and Technical Information Processing=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty. 1980;(1):13–15. (In Russ.).

24. Lazarev V. S. Is it right to consider the level of citations to scientific papers as the indicator of their quality? In: Grusha A. I., ed. Scientometrics: Methodology, tools, practical application [Naukometriya: metodologiya, instrumenty, prakticheskoe primeneniye]: A collection of research articles. Minsk : Belarusskaya nauka; 2018. P. 88–103. (In Russ.).

25. Lazarev V. S. The property that is factually being evaluated when they say they evaluate impact. *Scholarly Research and Information*. 2019;2(2):129–138. (In Russ.). DOI 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138.

26. ISO 9000:2015(ru): Quality management systems – Fundamentals and vocabulary. Available at: <https://iso.org/obp/ui#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:ru>. (accessed: 26.10.2023). (In Russ.).

27. Quality management systems. The main provisions and vocabulary. STB ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). Instead of STB ISO 9000-2006; introduced on 2016-03-01. Minsk : Gosstandart ; BelGISS; 2015. 54 p. (In Russ.).

28. Quality management systems. Basic provisions and vocabulary (as amended) GOST R ISO 9000-2015 (National standard of the Russian Federation). Electronic collection of legal and regulatory documents=Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (accessed: 16.10.2023). (In Russ.).

29. Virgo J. A. A statistical procedure for evaluating the importance of scientific papers. *The Library Quarterly*. 1977;47(4):415–430. DOI 10.1086/620723.

30. Nicolaisen J. Citation analysis. *Annual Review of Information Science and Technology*. 2007;41(1):609–641. DOI 10.1002/aris.2007.1440410120.

31. Bredikhin S. V., Kuznetsov A. Yu., Shcherbakova N. G. Citation analysis in bibliometrics. Novosibirsk : Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics of the SB RAS ; NEICON; 2013. 344 p. (In Russ.).

32. Lazarev V. S., Gordienko G. P., Karas' G. A. [et al.]. Towards the methodology of rapid evaluation of scientific activity of research institutions [K metodike operativnoi otsenki nauchnoi deyatelnosti nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdenii]. In: Issues of bibliography and library science [Voprosy bibliografovedeniya i bibliotekovedeniya]: An interagency collection. Minsk : Universitetskoe; 1993. P. 16–27. (In Russ.).

33. Lazarev V. S. Citation analysis in the context of nobelistics: Citedness figures (An essay of a bibliometrician). In: Nobel studies. Science studies. Information science [Nobelistika. Naukovedenie. Informatika]: Proceedings of the 5th International meeting-conference of Nobel Prize laureates and Nobelists ; The 5th International (the 7th Tambov) research conference “Information Science and Science Studies” (Tambov, November 17–20, 1998). Tambov : Derzhavin Tambov State University Publ. ; International Nobel Information Center Publ.; 1999. P. 7–18.

34. Stolyarov Yu. N., Arefieva E. P., ed. Library stocks [Bibliotechnye fondy]: A textbook. Moscow : Kniga; 1979. 296 p. (In Russ.).

35. Stolyarov Yu. N. Library stock [Bibliotechnyi fond]: A textbook. St. Petersburg : Professiya; 2015. 384 p. (In Russ.).

36. Kurtz M. J., Bollen J. Usage bibliometrics. *Annual Review of Information Science and Technology*. 2010;44(1):1–64. DOI 10.1002/aris.2010.1440440108.

37. Tyshkevich N. I., Sizov B. I., Dmitrienko I. M. On principles of centralized account-keeping of the spending and allocation of funds on acquisition of foreign periodicals and its practical alternatives [O printsipakh tsentralizovannogo ucheta ispol'zovaniya i raspredeleniya sredstv na priobretenie periodiki i putyakh ego realizatsii]. *Scientific and Technical Information Processing=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*. 1972;(2):3–10. (In Russ.).

38. Shuleikin N. M., Makhotenko Yu. A., Novikova L. S. Statistical study of the effectiveness of the use of library stocks [Statisticheskoe issledovanie effektivnosti ispol'zovaniya fondov]. *Scientific and Technical Libraries of the USSR=Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki SSSR*. 1969;(9):17–21. (In Russ.).
39. Chubariyan O. S., ed. Dictionary of library terms [Slovar' biblioteknykh terminov]. Moscow : Kniga; 1976. 224 p. (In Russ.).
40. Poll R., Boekhorst P. te [et al.]. Measuring quality : International guidelines for performance measurement in academic libraries. Moscow : Logos; 2002. 151 p. (IFLA Publications, 76). (In Russ.).
41. Bakhturina T. A. [et al.], comp. Librarianship [Biblioteknoe delo] : A terminological dictionary. Moscow : Russian State Library; 1997. 167 p. (In Russ.).
42. Altmetrics: A manifesto. Altmetrics.org. Available at: <http://altmetrics.org/manifesto/> (accessed: 12.10.2023).
43. Sokolov A. V., Fedorova N. S. Investigation of the effectiveness of the automated system of selective distribution of information. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 1969;(11):22–27. (In Russ.).
44. Voverene O. Evaluation of the functional efficiency of information and library support systems of research institutes and design engineering bureaus [Otsenka funktsional'noi effektivnosti sistem informatsionno-biblioteknogo obespecheniya NII i KB]. In: Works of information scientists of Lithuania [Trudy informatikov Litvy]. Vol. 3. Vilnius : Lithuanian Research Institute of Scientific and Technical Information and Technical and Economic Studies; 1976. P. 35–47. (In Russ.).
45. Wenger Ch. B., Childress J. Journal evaluation in a large research library. *Journal of the American Society for Information Science*. 1977;28(5):293–299. DOI 10.1002/asi.4630280509.
46. Suslova I. M., Ulanova L. N., comp. Librarianship [Biblioteknoe delo] : A terminological dictionary. Moscow : Kniga; 1986. 224 p. (In Russ.).
47. Stolyarov Yu. N. Development of library holdings [Formirovanie biblioteknogo fonda] : A practical guide. St. Petersburg : Professiya; 2015. 508 p. (In Russ.).
48. Gaeva R. L., Baunov A. M. Determination of the informational value of periodicals and continuous publications on some issues of petrochemical synthesis [Opredelenie informatsionnoi tsennosti periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy po nekotorym voprosam neftekhimicheskogo sinteza]. *Scientific and Technical Information Processing=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*. 1978;(8):20–22. (In Russ.).
49. Lazarev V. S. Readers' access to research periodicals as a marker of thematic scope of publications [Obrashcheniya chitatelei k nauchnym periodicheskim izdaniyam kak pokazatel' tematicheskoi napravlenosti izdaniy]. In: Methodological issues of medical informatics and science studies [Metodologicheskie problemy meditsinskoi informatiki i naukovedeniya] : A collection of research works. Moscow; 1989. P. 173–186. Available at: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/25434/173-186.pdf> (accessed: 23.01.2024). (In Russ.).
50. Stolyarov Yu. N. Library stock [Biblioteknyi fond] : A textbook. Moscow : Knizhnaya palata; 1991. 271 p. (In Russ.).
51. Significance. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/significance> (accessed: 28.03.2023).
52. Importance definition & meaning. YourDictionary. Available at: <https://yourdictionary.com/importance> (accessed: 27.10.2023).
53. Important definition & meaning. YourDictionary. Available at: <https://yourdictionary.com/important> (accessed: 27.10.2023).

54. Important. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/important> (accessed: 27.10.2023).
55. Martin B. R., Irvine J. Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy. *Research Policy*. 1983;12(2):61–90. DOI 10.1016/0048-7333(83)90005-7.
56. Mirskaya E. Z. Mechanism of assessment and formation of new knowledge [Mekhanizm otsenki i formirovaniya novogo znaniya]. *Problems of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 1976;(5):119–130. (In Russ.).
57. MacRoberts M. H., MacRoberts B. R. Problems of citation analysis: A critical review. *Journal of the American Society for Information Science*. 1989;40(5):342–349. DOI 10.1002/(SICI)1097-4571(198909)40:5<342::AID-ASI7>3.0.CO;2-U.
58. van Raan A. F. J. In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much. *Scientometrics*. 1998;43(1):129–139. DOI 10.1007/BF02458401.
59. Gilyarevskii R. S. Publication activity as an indicator of scientific performance [Publikatsionnaya aktivnost' kak otsenka nauchnykh dostizhenii]. *Scientific and Technical Information Processing=Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*. 2014;(8):1–9. (In Russ.).
60. Bornmann L., Daniel H.-D. What do citation counts measure? A review of studies on citing behavior. *Journal of Documentation*. 2008;64(1):45–80. DOI 10.1108/00220410810844150.
61. Jha R., Jbara A.-A., Qazvinian V., Radev D. R. NLP-driven citation analysis for scientometrics. *Natural Language Engineering*. 2017;23(1):93–130. DOI 10.1017/S1351324915000443.
62. Tahamtan I., Bornmann L. What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018. *Scientometrics*. 2019;121(3):1635–1684. DOI 10.1007/s11192-019-03243-4.
63. Lazarev V. S. Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment. *International Journal of Information Sciences for Decision Making*. 1997;(1):1–17. Available at: https://isdm.univ-tln.fr/PDF/isdm1/isdm1a6_lazarev.pdf (accessed: 20.10.2023).
64. Diodato V. Dictionary of bibliometrics. New York : The Haworth Press; 1994. xiii, 185 p.
65. Dictionary of the Russian language: In 4 vol. [Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t]. Ed. by A. P. Evgenieva. 4th, stereotypical edition. Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy; 1999. Vol. 1. A–Y. 702 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 26.02.2024). (In Russ.).
66. Pislyakov V. V. Informetric modeling of the process of accessing electronic information resources [Informetricheskoe modelirovanie protsessa obrashcheniya k elektronnyim informatsionnyim resursam] : Diss. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Kazan; 2008. 155 p. (In Russ.).
67. Use. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/> (accessed: 20.10.2023).
68. Lazarev V. S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 1: Value. *University Library at a New Stage of Social Communications Development. Conference Proceedings*. 2019;(4):28–36. DOI 10.15802/unilib/2019_187405.
69. Vinkler P. Comparative investigation of frequency and strength of motives toward referencing. The reference threshold model. *Scientometrics*. 1998;43(1):107–127. DOI 10.1007/BF02458400.

70. Brooks T. A. Private acts and public objects: An investigation of citer motivations. *Journal of the American Society for Information Science*. 1985;36(4):223–229. DOI 10.1002/asi.4630360402.
71. Brooks T. A. Evidence of complex citer motivations. *Journal of the American Society for Information Science*. 1986;37(1):34–36. DOI 10.1002/asi.4630370106.
72. Moed H. F., Glänzel W., Schmoch U., ed. Handbook of quantitative science and technology research: The use of publication and patent statistics in studies of S&T systems. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer Academic Publishers; 2004. x, 800 p.
73. Simkin M. V., Roychowdhury V. P. Stochastic modeling of citation slips. *Scientometrics*. 2005;62(3):367–384. DOI 10.1007/s11192-005-0028-2.
74. Lazarev V. S. Citedness as a means of representation of value and quality of scientific documents, performance of scientists and the Nobel level of research [Tsitiruemost' kak sredstvo otrazheniya tsennosti i kachestva nauchnykh dokumentov, rezul'tativnosti uchenykh, nobelevskogo urovnya issledovaniy]. Ed. by V. M. Tyutyunnik. Tambov ; Moscow ; St. Petersburg ; Baku ; Vienna ; Hamburg ; Stockholm ; Bouake ; Varna ; Tashkent : Nobelistika; 2020. 64 p. (In Russ.).
75. Lazarev V. S. “Nobel class citedness level” and the notions that designate characteristics and properties of cited scientific documents [«Tsitiruemost' nobelevskogo klassa» i ponyatiya, vyrazhayushchie kharakteristiki i svoystva tsitiruemykh nauchnykh dokumentov]. Ed. by V. M. Tyutyunnik. Tambov ; Moscow ; St. Petersburg ; Baku ; Vienna ; Hamburg ; Stockholm ; Bouake : Nobelistika; 2018. 70 p. (In Russ.).
76. Lazarev V. S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (Or again: What property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 2: Quality? *University Library at a New Stage of Social Communications Development. Conference Proceedings*. 2019;(4):37–42. DOI 10.15802/unilib/2019_187406.

Поступила в редакцию / Received 27.11.2023.

Одобрена после рецензирования / Revised 12.02.2024.

Принята к публикации / Accepted 27.02.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарев Владимир Станиславович vslazarev@bntu.by

Ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций, Научная библиотека, Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

AuthorID ПИНЦ / RSCI: 857773

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Lazarev vslazarev@bntu.by

Leading bibliographer, Scientific Library, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
ORCID: 0000-0003-0387-4515